

**PAUL WATZLAWICK,
JANET HELMICK BEAVIN,
DON D. JACKSON**

**PRAGMATICS of
HUMAN COMMUNICATION
A Study of Interactional Patterns,
Pathologies, and Paradoxes**

London: Faber and Faber

**ПОЛ ВАЦЛАВИК, ДЖЕНЕТ БИВИН,
ДОН ДЖЕКСОН**

**ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

Санкт-Петербург
2000

Перевод *И. Авидон, П. Румянцева*
Художник *П. Борозенец*

Пол Вацлавик, Дженет Бивин, Дон Джексон

Психология межличностных коммуникаций: Пер. с англ. — СПб.: «Речь», 2000.
ISBN 5-9268-0024-2

Теория коммуникации П. Вацлавика и его коллег оказала значительное влияние на развитие психологии и психотерапии во всем мире. В данной работе обсуждается ряд ключевых принципов этой теории: системный анализ коммуникации, аксиомы коммуникации и коммуникативные коды, коммуникативные и психотерапевтические парадоксы.

© ООО Издательство «Речь», 2000.
© И. Авидон, П. Румянцева,
перевод, 2000.
© П. Борозенец, оформление, 2000.
© Гуманитарная академия, 2000.

ISBN 5-9268-0024-2

Введение	11
ГЛАВА 1. СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ	
1.1 Введение	18
1.2 Понятие о функции и взаимоотношениях	23
1.3 Информация и обратная связь	30
1.4 Избыточность	35
1.5 Метакоммуникация и понятие исчисления	44
1.6 Заключение	48
1.61 Концепция черного ящика	48
1.62 Сознательное и бессознательное	50
1.63 Настоящее и прошлое	50
1.64 Следствие и причина	51
1.65 Кругообразность паттернов коммуникации	52
1.66 Относительность «нормального» и «аномального»	53
ГЛАВА 2. АКСИОМЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ	
2.1 Вступление	56
2.2 Невозможность отсутствия коммуникации	56
2.21 Все поведение — это коммуникация	56
2.22 Элементы коммуникации (сообщение, взаимодействие, паттерн)	58
2.23 Попытка шизофреника не вступать в коммуникацию	59
2.24 Определение аксиомы	60
2.3 Коммуникация: уровень содержания и уровень отношения	60
2.31 «Описательный» и «побудительный» аспекты	60

2.32	Данные и инструкции в работе компьютера	61
2.33	Коммуникация и метакоммуникация	62
2.34	Определение аксиомы	63
2.4	Пунктуация последовательности событий	64
2.41	Пунктуация и последовательность событий	64
2.42	Разница в пунктуации и различные «реальности»	66
2.43	Бесконечный знакпеременный ряд Больцано	69
2.44	Определение аксиомы	70
2.5	Цифровая и аналогическая коммуникация	70
2.51	Естественные и искусственные организмы	70
2.52	Человеческая коммуникация	72
2.53	Уникальное использование человеком обоих типов коммуникации	74
2.54	Проблема перевода	76
2.55	Определение аксиомы	79
2.6	Симметрическое и комплементарное взаимодействие	80
2.61	Шизогенез	80
2.62	Определение симметричности и комплементарности	81
2.63	Метакомплементарность	82
2.64	Определение аксиомы	83
2.7	Заключение	83

ГЛАВА 3. ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

3.1	Введение	86
3.2	Невозможность отсутствия коммуникации	87
3.21	Отрицание коммуникации при шизофрении	88
3.22	Ее противоположность	89
3.23	Способы коммуникации	90
3.231	«Отказ» от коммуникации	90
3.232	Принятие коммуникации	91
3.233	Препятствование коммуникации	91
3.234	Симптом как коммуникация	94
3.3	Уровневая структура коммуникации (содержание и отношение)	96
3.31	Смещение уровней	97
3.32	Несогласие	98
3.33	Определение себя и другого	101
3.331	Подтверждение	102
3.332	Отрицание	103
3.333	Игнорирование	104
3.34	Уровни межличностного восприятия	108

3.35	Невосприимчивость	109
3.4	Пунктуация последовательности событий	112
3.41	Разногласия в пунктуации	113
3.42	Пунктуация и реальность	114
3.43	Причина и следствие	115
3.44	Самосполняющиеся пророчества	118
3.5	Ошибки в «переводе» аналогического и цифрового материала	119
3.51	Неопределенность аналогической коммуникации	119
3.52	Аналогическая коммуникация и взаимоотношения	122
3.53	Отсутствие «нет» в аналогической коммуникации	122
3.531	Передача «нет» через отсутствие	124
3.532	Ритуал	126
3.54	Функция истинности в аналогической коммуникации	127
3.55	Истерические симптомы как аналогический перевод	127
3.6	Возможная патология симметрического и комплементарного взаимодействия	129
3.61	Эскалация симметричности	129
3.62	Ригидная комплементарность	130
3.63	Эффект взаимной стабилизации двух типов коммуникации	132
3.64	Примеры	133
3.65	Заключение	142

ГЛАВА 4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

4.1	Введение	146
4.2	Взаимодействие как система	147
4.21	Время как переменная	148
4.22	Определение системы	149
4.23	Окружающая среда и подсистемы	150
4.3	Характеристики открытых систем	153
4.31	Целостность	153
4.311	Несуммарность	155
4.312	Разнонаправленность	156
4.32	Обратная связь	157
4.33	Равнорезультатность	158
4.4	Длительно существующие системы взаимодействия	161
4.41	Продолжающиеся взаимоотношения	161
4.411	Описание или объяснение	162

4.42	Ограниченность	164
4.43	Правила взаимоотношений	165
4.44	Семья как система	167
4.441	Целостность	168
4.442	Несуммарность	169
4.443	Обратная связь и гомеостаз	173
4.444	Калибровка и ступенчатые функции	181
4.5	Выводы	182

ГЛАВА 5. ПАРАДОКСАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

5.1	Природа парадокса	186
5.11	Определение	187
5.12	Три типа парадоксов	189
5.2	Логико-математические парадоксы	191
5.3	Парадоксальные определения	193
5.4	Прагматические парадоксы	196
5.41	Парадоксальные предписания	196
5.42	Примеры парадоксальной коммуникации	198
5.43	Теория двойного ограничения	217
5.431	Составляющие двойного ограничения	218
5.432	Патогенность двойного ограничения	220
5.433	Связь с шизофренией	222
5.434	Противоречивые и парадоксальные предписания	222
5.435	Поведенческие следствия двойного ограничения	226
5.44	Парадоксальные обещания/предсказания	229
5.441	Объявление преподавателя	229
5.442	Недостатки ясного мышления	232
5.443	Доверие как проблема	234
5.444	Неопределенность	235
5.445	Практический пример	233
5.446	Доверие — дилемма узника	237
5.5	Выводы	241

ГЛАВА 6. ПАРАДОКСЫ В ПСИХОТЕРАПИИ

6.1	Иллюзия альтернативного выбора	244
6.11	Рассказ Батской ткачихи	244
6.12	Определение	246
6.2	«Игра без конца»	248
6.21	Три возможных решения	249

6.22	Парадигма психотерапевтического вмешательства	251
6.3	Предписание симптомов	253
6.31	Симптом как спонтанное поведение	253
6.32	Устранение симптома	254
6.33	Симптом в межличностном контексте	256
6.34	Краткий обзор	257
6.4	Терапевтическое двойное ограничение	258
6.5	Примеры терапевтического двойного ограничения	260
6.6	Парадоксы в игре, юморе и творчестве	274

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

7.1	Экзистенциальное бытие	280
7.2	Окружающая среда как программа	281
7.3	Гипостазирование реальности	283
7.4	Уровень знания, послылки третьего порядка	284
7.41	Аналогии послылок третьего порядка	287
7.5	Смысл и ничто	289
7.6	Изменение послылок третьего порядка	292
7.61	Аналогии с теорией доказательств	292
7.62	Доказательство Гёделя	296
7.63	«Трактат» Витгенштейна и главный парадокс человеческого существования	297

Посвящается Грегори Бейтсону,
другу и наставнику.

Эта книга посвящена прагматическим (поведенческим) эффектам человеческой коммуникации, причем особое внимание здесь уделяется расстройствам поведения. Сейчас, когда формализованы только грамматический и синтаксический коды вербальной коммуникации, когда растёт скептицизм по поводу возможности создания успешной теоретической структуры семантики человеческой коммуникации, любая попытка систематизировать ее прагматику должна показаться следствием невежественности или самонадеянности. Если на современном этапе развития науки не существует даже удовлетворительного объяснения того, как происходит процесс овладения родным языком, то перспектива обобщения формальных связей между коммуникацией и поведением представляется еще более туманной.

С другой стороны, очевидно, что коммуникация — это *conditio sine qua non* человеческого существования и общественного устройства. Также очевидно, что с начала своего существования человек вовлечен в сложный процесс овладения правилами коммуникации, лишь минимально осознавая, из чего состоит эта совокупность правил, это *исчисление* человеческой коммуникации.

Не намного дальше продвигаемся в предлагаемой книге и мы сами. Это всего лишь попытка разработать модель и представить факты, эту модель подтверждающие. Наука о прагматике человеческой коммуникации находится на младенческой стадии своего развития, она едва может прочесть и написать свое имя, ей еще далеко до разработки собственного непротиворечивого языка. Ее интеграция с результатами научных изысканий в других областях — дело будущего. Однако мы надеемся на то, что такая интеграция произойдет, и эта книга адресована всем тем, чья работа связана с изучением и решением проблем взаимодействия в самом широком смысле этого слова.

Нас могут упрекнуть, что в этой книге не рассматриваются важные исследования, напрямую связанные с предметом нашего изучения. Недостаток подробных ссылок на невербальную коммуникацию может стать одним из источников подобной критики, отсутствие ссылок на общую семантику — другим. Но эта книга — всего лишь введение в прагматику человеческой коммуникации (ту область, которая вплоть до настоящего времени привлекала к себе необоснованно мало внимания), и поэтому мы не можем указать на все существующие связи прагматики с другими областями знания, не превратив ее в энциклопедию, в плохом смысле этого слова. По той же причине пришлось ограничить количество ссылок на множество других работ по теории человеческой коммуникации, особенно в тех случаях, когда такие работы ограничиваются рассмотрением коммуникации как одностороннего феномена (от говорящего к слушающему) и останавливаются незадолго до понимания коммуникации как процесса взаимодействия.

Междисциплинарные связи предмета нашего изучения отражены в манере подачи материала. Примеры и аналогии отбирались из весьма широкого спектра областей, хотя предпочтение отдавалось психопатологии. Особенно важно прояснить, что там, где

для аналогий использовалась *математика*, она применялась только как *язык*, превосходно подходящий для выражения сложных взаимоотношений; однако это вовсе не означает, что мы полагаем, будто наши данные готовы для перевода в числовую форму. И наоборот, многим читателям может показаться, что использование нами литературных примеров довольно спорно с научной точки зрения, поскольку доказывать что-либо, ссылаясь на плоды художественного вымысла, — не самый убедительный способ аргументации. Однако с помощью этих литературных цитат мы не доказываем, а просто иллюстрируем и разъясняем теоретические положения на более понятном языке; мы вовсе не полагаем, что эти цитаты сами по себе что-то доказывают. Если коротко, эти аналогии и примеры — это *описательные*, а не *прогностические* модели.

Во многих параграфах этой книги при использовании базовых понятий из других областей знания приведены определения этих понятий, совершенно не интересные для человека, специализирующегося в данной области. Чтобы предостеречь такого читателя, а также для удобства всех остальных здесь приводится краткий обзор содержания глав и их разделов.

Глава 1 посвящена попытке создать теоретическую структуру описания. Там вводятся основные понятия, такие как функция (параграф 1.2¹), информация и обратная связь (параграф 1.3), избыточность (параграф 1.4), также в этой главе высказываются предположение о существовании некоего, еще не формализованного кода, *исчисления* (параграф 1.5) человеческой коммуникации, правила которого можно наблюдать в успешной ком-

¹ Десятичное подразделение глав было введено не для того, чтобы запутать читателя или произвести на него впечатление, а для того, чтобы сделать структуру глав более четкой и облегчить перекрестные ссылки в работе.

муникации, тогда как при наличии коммуникативных расстройств данные правила нарушаются.

В *Главе 2* определены некоторые аксиомы этого гипотетического исчисления, в то время как возможные виды патологии, связанные с этими аксиомами, освещены в *Главе 3*.

В *Главе 4* теория коммуникации выходит на уровень организации или структуры, основой здесь является системная модель человеческих отношений, поэтому большая часть главы посвящена обсуждению или применению принципов общей теории систем.

В *Главе 5* описываются поведенческие эффекты парадокса. Это требует определения понятия (параграфы 5.1, 5.2 и 5.3), которое может быть пропущено читателем, знакомым с литературой по антиномиям, особенно той, что касается парадокса Рассела. В разделе 5.4 представлено менее известное понятие о прагматических парадоксах, особенно теория двойного ограничения и ее важность для понимания шизофренической коммуникации.

Глава 6 посвящена терапевтическим эффектам парадокса. За исключением теоретических рассуждений в параграфах 6.1 и 6.2, в этой главе делается акцент на возможностях клинического приложения парадоксальных паттернов коммуникации. Эта глава заканчивается коротким экскурсом в роль парадокса в игре, юморе и творчестве (параграф 6.6).

В *Заключении* описываются проблемы коммуникации человека с реальностью в самом широком смысле этого слова, но это не более чем обзор. Мы говорим о том, что порядок, аналогичный уровневой структуре логических типов, наполняет осознание человеком своего существования и определяет, в конечном итоге, познаваемость Вселенной.

С рукописью знакомились множество экспертов, от психиатров и биологов до инженеров-электронщиков, и в ходе этого рассмотрения стало понятно, что любой раздел для одних представляется слиш-

ком упрощенным, а для других — слишком специализированным. То же касается включения определений (в тексте или в сносках): для того, кто каждый день использует этот термин в своей профессиональной деятельности, включение в текст определения может показаться проявлением оскорбительной снисходительности, в то время как для обычных читателей недостаток определений может быть воспринято как неуважение к себе («Если вы не знаете, что значит это слово, мы не собираемся вам объяснять»).

Авторы хотят выразить признательность многим людям, которые читали рукопись целиком или частично, и помогли поддержкой или советом, особенно Полу С. Ачиллсу, Джону Ч. Викленду, Карлосу Е. Слуцки, Расселу Ли, Ричарду Фишу и Артуру Бодину, всем нашим коллегам в Институте исследований психики; Альберту Е. Шефлену, Институт психиатрии Восточной Пенсильвании и Медицинская школа университета Темпля; Карлу Х. Прибраму, Ральфу Якобсу и Вильяму Дементу, Медицинская школа университета Стенфорда; Генри Лонгли, инженеру проекта, Западная исследовательская лаборатория; Ноэлю Томпсону, начальнику Отдела медицинской электроники, Фонд медицинских исследований Пало Альто; Джону П. Спигелу, Центр исследования личности, Гарвардский университет. Естественно, что ответственность за сделанные утверждения и возможные ошибки лежит целиком на авторах.

Эта работа была поддержана Национальным институтом психического здоровья, Фондом Роберта С. Вилера, Фондом Джеймса МакКина и Национальной ассоциацией психического здоровья, о помощи которых мы с благодарностью заявляем.

Пало Альто

ку единицы анализа в прагматике — это не только слова, их формы, их значения, которые являются элементами рассмотрения в синтаксисе и семантике, но также и невербальные компоненты, язык тела. Даже более того, нам представляется возможным рассматривать в качестве поведенческих проявлений личности особенности того *контекста*, в котором происходит коммуникация. Таким образом, с точки зрения прагматики, все поведение, а не только речь, является коммуникацией, а вся коммуникация — даже характеристики самого контекста — влияют на поведение.

С традиционной точки зрения, прагматика, прежде всего, имеет дело с тем эффектом, который оказывает та или иная информация на ее получателя, тогда как нас также будет интересовать и другой, неразрывно связанный с первым, вопрос: какое влияние на отправителя оказывает реакция получателя? Таким образом, мы предпочитаем рассматривать скорее *взаимоотношения между отправителем и получателем, посредником в которых является коммуникация*, а не замыкаться на отношениях между знаком и отправителем или знаком и получателем.

Поскольку коммуникационный подход к изучению человеческого поведения, как нормального, так и отклоняющегося от нормы, основывается на наблюдении внешних проявлений взаимоотношений, в самом широком смысле этого слова, концептуально он гораздо ближе к математике, чем к традиционной психологии, поскольку математика — это именно та наука, которая занимается отношениями между сущностями, а не их природой. В психологии же, напротив, традиционно преобладает склонность к монадическому взгляду на человека и, следовательно, те сложные паттерны взаимоотношений и взаимодействия, существование которых становится все более и более очевидным, остаются практически вне сферы ее внимания.

Мы будем говорить о близости нашей теории и математики при каждом удобном случае. Это не должно отпугнуть читателя, не имеющего углубленной подготовки в этой области, поскольку ему не придется столкнуться с формулами или другими специальными символами. Возможно, когда-нибудь человеческое поведение будет адекватно описано на языке математических символов, но в наши планы такие попытки не входят. Скорее, мы будем ссылаться на многочисленные работы, имеющиеся в определенных областях математики, когда их результаты могут быть использованы для описания феноменов человеческой коммуникации.

1.2

Понятие о функции и взаимоотношениях

Главная причина того, что математика должна быть использована для проведения аналогий или в качестве объяснительного принципа, заключается в полезности математического понятия «*функция*». Для объяснения этого необходим краткий экскурс в теорию чисел.

С точки зрения философов науки наиболее значительным шагом в развитии современного математического мышления явилось постепенное появление нового понимания числа в период от Декарта до наших дней. Для математиков Древней Греции числа были конкретными, вещественными величинами, понимаемыми как свойства реальных предметов. Поэтому геометрия занималась измерениями, а арифметика — счетом. Освальд Шпенглер в своей блестящей работе «О смысле чисел» (146) показывает, что не только понятие о нуле как о числе было немыслимым, но и отрицательным величинам также не было места в реальности античного мира: «Отрицательных величин не

существует. Выражение $-2 \times -3 = +6$ не несет в себе ни следа наглядности или представления какой-либо величины» (Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993. — С. 217.) Представление о том, что числа должны выражать величины, преобладало на протяжении двух тысяч лет, как уточняет Шпенглер:

До сих пор не существовало второй такой культуры, которая воздавала бы столько почестей свершениям иной, давно угасшей культуры и была бы в научном смысле столь податливой к влияниям, как западная по отношению к античной. Прошло немало времени, пока мы нашли в себе мужество думать собственным умом. В основе лежало постоянное желание подражать античности. И все-таки каждый шаг был в этом смысле фактическим удалением от искомой цели. Оттого история западного знания есть история поступательной эмансипации от античного мышления, история освобождения, которое, не будучи даже желанным, форсировалось глубинами бессознательного. Так, развитие новой математики принимало формы тайной, затяжной, наконец, победной борьбы против понятия величины. (Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993. — с. 229.)

Нет необходимости в деталях описывать, как была одержана эта победа. Достаточно сказать, что решающее событие произошло в 1591 году, когда Виет впервые использовал буквенные обозначения вместо чисел. В результате представление о числах как о дискретных величинах было отнесено на второй план, и родилось базовое понятие о *переменной*, понятие, которое античному математику показалось бы

не более реальным, чем галлюцинация. Переменные, в отличие от чисел, обозначающих реальные величины, не имеют собственного значения, они обладают значением только относительно друг друга. С появлением переменных открылось новое измерение информационного пространства. Так сформировалась новая математика. Отношение между переменными (обычно, но не всегда, выраженное в виде равенства) представляет собой *функцию*. Проще говоря, еще раз Шпенглера, который говорил, что функции

вообще не являются числами в пластическом смысле, но знаками некоего отношения, в котором отсутствуют признаки величины, формы и однозначности, знаками бесконечности возможных положений одинакового характера, которые, будучи понятиями как единство, и суть само число. В идеографической записи, применяющей, к сожалению, множество сбивающих с толку знаков, все уравнение *в целом* фактически представляет собою *одно*-единственное число, а x , y , z в столь же малой степени являются числами, как $+$ и $=$. (Цит. по: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993. — С. 230.)

Таким образом, например, равенство $y^2=4^{ax}$ отражает особую взаимосвязь переменных x и y и заключает в себе все свойства кривой.*

* Придавая числам значение величин, легко впасть в заблуждение даже тогда, когда эти числа первоначально использовались для обозначения конкретных величин, как, например, в экономике. Это показано в недавно опубликованной статье Дэвида Штерна (199). Рассуждая о проблеме национального долга, он показывает, что рассматривая его изолированно, т. е. как абсолютную величину, можно отметить, что национальный долг США подскочил с 257 миллиардов долларов в 1947 году до 304 миллиардов в 1962. Однако, если посмотреть на это явление в нужном контексте, например с

Можно провести интересные параллели между возникновением математического понятия о функции и появлением в психологии понятия «взаимоотношение». Долгое время (в определенном смысле, начиная с Аристотеля) психика рассматривалась как совокупность характеристик, которыми человек может быть наделен в большей или меньшей степени, почти так же, как он может обладать стройным или грузным телом, рыжими или светлыми волосами, и т. д. В конце прошлого века психология вошла в эру экспериментальных исследований, что сделало во многом более научным ее словарь, однако в определенном смысле этот новый словарь все же оставался похожим на прежний: он все еще состоял из отдельных, мало связанных между собой понятий. Эти понятия рассматривались по аналогии с физическими функциями, и, к несчастью, не имели никакого отношения к математическому понятию о функции. Как мы знаем, ощущения, восприятие, апперцепция, внимание, память и некоторые другие процессы были определены именно как такие функции и во множестве работ изучались, и все еще изучаются в искусственной изоляции. Но Эшби, например, показал, как предположение о существовании *памяти* напрямую зависит от наблюдаемости данной системы. Он утверждает, что для наблюдателя, владеющего всей необходимой информацией, любая ссылка на прошлое (и, следовательно, на существование памяти в системе) не является необходимой. Он может делать выводы,

точки зрения чистого дохода на душу населения, станет очевидным, что за указанный период произошло снижение со 151% до 80%. Это заблуждение особенно характерно для специалистов и политиков, хотя ученые-экономисты давно настаивают на употреблении собственно экономических переменных, а не изолированных или абсолютных единиц.

основываясь на поведении системы *сейчас*. Он приводит такой реальный пример:

...предположим, я в гостях у друга. Когда мимо окон проезжает машина, собака друга неожиданно забивается в угол комнаты. Для меня такое поведение непонятно и необъяснимо. Затем мой друг говорит: «Она попала под машину полгода назад». Теперь поведение собаки объясняется ссылкой на событие шестимесячной давности. Если мы скажем теперь, что собака обладает «памятью», мы будем иметь в виду практически тот же факт: ее поведение может быть объяснено исходя не из теперешнего состояния, а исходя из того, каким было это состояние шесть месяцев назад. Неосторожный наблюдатель может сказать, что собака «обладает» памятью, и думать о собаке как о владеющей чем-то, как если бы у нее было, к примеру, пятно черного цвета на спине. Затем может возникнуть соблазн найти этот «предмет», которым обладает собака. Правда, свойства этого «предмета» окажутся очень странными. Ясно, что память не является чем-то вещественным, тем, чем система может обладать или не обладать. Это понятие, которое использует наблюдатель, чтобы заполнить пустующее место в случае, когда какая-то часть системы не доступна наблюдению. Чем меньше наблюдаемых переменных, тем большему количеству событий в прошлом наблюдатель будет вынужден приписывать важную роль в актуальном поведении системы. Таким образом, существование памяти в головном мозге лишь частично может считаться объективным феноменом. Неудивительно, что ее характеристики иногда кажутся необычными или даже парадоксальными. Естественно, учитывая все вышеизложенное, эта тема нуждается в тщательном переосмыслении (5, p. 117).

Как мы понимаем, это утверждение никоим образом не отрицает достижения нейропсихологических исследований, касающихся процессов сохранения информации в мозге. Очевидно, что в результате аварии состояние животного изменилось, должно быть, произошли изменения на молекулярном уровне, образовались новые связи, словом, «что-то», чем собака сейчас «обладает». Но Эшби очень точно описывает проблему соотношения теоретического конструкта и его материального воплощения. Другая аналогия, предложенная Бейтсоном (17) — это шахматная партия в развитии. В каждый момент времени положение, сложившееся в партии, можно понять только на основе расстановки фигур на доске (шахматы — это игра с полной информацией), без всякой записи или «памяти» о прошлых ходах. Даже если это положение истолковывается как память об игре, это целиком и полностью настоящая, неподдаемая интерпретации данного момента.

Когда со временем словарь экспериментальной психологии расширился настолько, чтобы включить в себя контекст межличностных отношений, он по-прежнему оставался монадическим. Такие понятия, как лидерство, зависимость, экстраверсия и интроверсия, воспитание и многие другие стали объектами тщательного изучения. Опасность здесь состоит в том, что все эти термины, после долгого обдумывания и многократного повторения, сами по себе становятся некой псевдореальностью, и постепенно «лидерство», представляющее собой некий теоретический конструкт, становится с Лидерством с большой буквы — измеряемым качеством человеческой психики, которое рассматривается как изолированный феномен. Как только происходит такая «материализация», мы перестаем осознавать, что термин — это всего лишь краткий символ для обозначения определенной формы имеющих место взаимоотношений.

Каждый ребенок со школы знает, что всякое движение относительно, что его можно воспринять

только относительно какой-либо точки отсчета. Но многие не осознают того, что тот же самый принцип лежит в основе практически всех видов восприятия, и, следовательно, в основе жизненного опыта человека. Ученые, занимающиеся исследованиями сенсорных процессов и функционирования мозга доказали, что человеком могут восприниматься только взаимоотношения и паттерны взаимоотношений, и именно они являются сущностью человеческого опыта. Поэтому когда благодаря действию хитроумного изобретения движение глаз становится невозможным, так, что один и тот же образ продолжает восприниматься одним и тем же участком сетчатки, четкое зрительное восприятие становится невозможным. Точно так же ровный, не изменяющийся звук является трудным для восприятия и может даже стать незаметным. И если кто-нибудь хочет исследовать твердость и текстуру поверхности, он не просто положит палец на эту поверхность, но станет двигать его вперед и назад, потому что если палец останется неподвижным, почти невозможно получить хоть какую-то полезную информацию, кроме разве что ощущения температуры, которое мы также получаем благодаря разнице температур предмета и пальца. Можно было бы продолжать приводить подобные примеры. Все они подводят нас к одному выводу: в том или ином виде процессы изменения, движения или исследования вовлечены во все виды перцепции (132, р. 173). Другими словами, устанавливается взаимоотношение, в рамках которого производится настолько большое количество проб, насколько позволяет данная ситуация. Таким образом, мы постепенно приближаемся к выводу о том, что все то, о чем идет речь, очень сходно с математическим понятием «функция». Поэтому не «вещи», но функции составляют сущность наших перцептивных процессов, а функции, как мы видели, — это не изолированные переменные, а «знаки, выражающие связь... бесконечность возможных

позиций вероятностного характера...». Но если это так, нас не должно больше удивлять то, что даже представление человека о самом себе — это на самом деле представление о функциях, о взаимоотношениях, в которые он включен, и неважно, насколько он воплощает это представление в реальной жизни. Кстати, всем этим фактам, от сенсорных нарушений ощущений до проблем самосознания, можно найти подтверждение в обширной ныне литературе, касающейся проявлений и последствий сенсорной депривации.

1.3

Информация и обратная связь

Фрейд покончил со многими заблуждениями традиционной психологии, когда выступил со своей психодинамической теорией поведения человека. Нет нужды описывать здесь его заслуги. Один аспект, однако, имеет самое непосредственное отношение к нашей теме.

Психоаналитическая теория основана на теоретической модели сохранения, которая была наиболее популярной в момент формирования взглядов Фрейда. В соответствии с этой теорией, поведение есть прямой результат гипотетического взаимодействия интрапсихических сил, действующих по правилам, аналогичным законам сохранения и передачи энергии в физике, где, процитируем слова Норберта Винера по этому поводу, «материализм привел в систему свои основные принципы, и ядром этой системы стало понятие энергии» (166, р. 199). В целом, можно сказать, что классический психоанализ оставался преимущественно теорией интрапсихических процессов, поэтому даже в тех случаях, когда взаимодействие со внешними силами было очевидным, оно рассматривалось как вторичное, как, например, в концеп-

ции «вторичной выгоды».¹ Таким образом, мы можем сказать, что взаимозависимость между индивидуумом и окружающей его средой осталась той областью, на которую сторонники психоаналитического направления практически не обращали внимания. И именно здесь нам необходимо обратиться к понятию *информационного обмена*, то есть коммуникации. Между психодинамической (психоаналитической) моделью, с одной стороны, и любой концепцией взаимодействия окружающей среды и организма с другой, имеется одно фундаментальное различие, и оно может стать более понятным в свете следующей аналогии (12). Если человек пнет на ходу ногой гальку, энергия будет передана от ноги камню; последний придет в движение и, в конечном счете, остановится снова в положении, которое полностью определено такими факторами, как количество переданной энергии, форма и вес гальки, а также характер поверхности, по которой она катилась. Если, с другой стороны, человек пнет вместо гальки собаку, собака может подпрыгнуть и укусить его. В этом случае отношение между пинком и кусом имеет совершенно другой характер. Очевидно, что собака получает энергию для своей реакции, благодаря своему собственному метаболизму, а не от пинка. Поэтому то, что передается, это уже, скорее, не энергия, а информация. Другими словами, пинок — часть поведения, которое что-то сообщает собаке, и на эту коммуникацию собака реагирует другим поведением (коммуникацией). Именно в этом кроется принципиальное различие между психодинамикой Фрейда и теорией коммуникации как объяснительными моделями человеческого поведения. Несложно заметить, что они относятся к различным уровням сложности и не вы-

¹ Так называемые неофрейдисты, конечно, уделяли гораздо больше внимания взаимодействию индивида с окружающей средой.

скольку любая коммуникация, как мы увидим, подразумевает передачу информации и в связи с этим определяет видение отправителем его отношений с получателем, можно предположить, что шизофреник ведет себя так, как будто он старается избежать этой передачи с помощью избегания коммуникации. Мы не можем установить, является ли это действительно его целью, но эффект такого поведения шизофреника подробно будет рассмотрен в параграфе 3.2.

2.24

Итак, обобщая, мы можем сформулировать метакоммуникационную аксиому прагматики коммуникации: *не вступать в коммуникацию невозможно.*

2.3

Коммуникация: уровень содержания и уровень отношения

2.31

Выше мы упомянули еще одну аксиому, когда говорили, что любая коммуникация подразумевает передачу информации и поэтому определяет отношения. Другими словами, коммуникация не только передает информацию, но в то же время детерминирует поведение. Вслед за Бейтсоном (132, pp. 179—181) эти две операции называют «описательным» и «побудительным» аспектом коммуникации. Бейтсон иллюстрирует эти два аспекта, приводя физиологическую аналогию: пусть *A*, *B*, *C* образуют линейную цепь нейронов. Тогда возбуждение нейрона *B* — это и «описание» того, что нейрон *A* находится в возбуждении, и «команда» для нейрона *C* также прийти в состояние возбуждения.

Описательный аспект сообщения передает информацию и является поэтому синонимом *содержания*

сообщения, когда речь идет о человеческой коммуникации. Это может быть все что угодно, все, что поддается передаче, неважно, является ли данная информация правдивой, ложной, надежной, неправомерной или неразрешимой. Побудительный аспект, с другой стороны, касается того, какого рода эта информация, как ее нужно воспринять, и поэтому практически полностью относится к *взаимоотношениям* между людьми, находящимися в коммуникации. Смысл всех подобных утверждений сводится к одному или нескольким из нижеследующего: «Вот как я вижу себя... вот так я вижу тебя... вот так я вижу твое представление обо мне» и так далее до бесконечности. Так, например, сообщения «Нужно отпустить сцепление мягко и постепенно» и «Только отпустить сцепление, и коробка передач полетит к черту» несут приблизительно одну и ту же информационную нагрузку (описательный аспект), но очевидно, что они определяют совершенно разные взаимоотношения. Чтобы избежать любого непонимания вышеизложенного материала, нужно прояснить, что отношения лишь иногда определяются полностью осознанно. На самом деле, чем более спонтанны и «здоровы» отношения, тем более аспект отношений отходит на второй план. Напротив, «нездоровые» отношения характеризуются тем, что за природу отношений идет постоянная борьба, а содержательный аспект коммуникации становится все менее и менее важным.

2.32

Интересно, что еще до того, как исследователи поведения начали задумываться об этих аспектах человеческой коммуникации, инженеры-компьютерщики столкнулись в своей работе с похожими проблемами. Они поняли, что при общении с искусственным организмом необходимо, чтобы коммуникация содержала как описательный, так и побудительный аспект. Например, если компьютер должен перемножить два

числа, ему нужно дать эту информацию (два числа) и информацию об этой информации: «перемножь их».

Для нас важно рассмотреть взаимоотношения между описательным (содержание) и побудительным (отношения) аспектами коммуникации. По существу, мы определили это еще в предыдущем абзаце, когда сказали, что компьютеру нужна информация (данные) и информация об этой информации (инструкции). Понятно, что инструкции принадлежат к более высокому логическому уровню, чем данные; они являются метainформацией, поскольку представляют собой информацию об информации, или любое их смешение привело бы к получению бессмысленного результата.

2.33

Если мы вернемся теперь к человеческой коммуникации, мы увидим, что те же отношения существуют между описательным и побудительным аспектами: первый передает «данные» коммуникации, а второй то, как эта коммуникация должна быть воспринята. «Это приказ» и «Я просто шучу» — речевые примеры таких коммуникаций о коммуникации. Отношение также может быть выражено невербально с помощью крика или улыбки, или ряда других способов. Также можно ясно понять характер отношений из контекста, в котором происходит коммуникация, например, между военнослужащими в форме или на арене цирка.

Читатель заметит, что аспект отношений, являясь коммуникацией о коммуникации, является, конечно, тем же самым, что и понятие о метакоммуникации, разработанное в первой главе, где оно было ограничено рамками понятийной структуры и особым языком, который должен использовать исследователь коммуникации, вступая в коммуникацию по поводу коммуникации. Теперь можно увидеть, что не только такой исследователь, а любой человек сталкивается с этой проблемой. Способность к метакоммуникации — это не только *conditio sine qua non* успеш-

ной коммуникации, она тесно связана с многочисленными проблемами осознания себя и других. Мы детально рассмотрим этот вопрос в параграфе 3.3, а в данный момент мы хотим только показать, что общение, особенно в письменной коммуникации, могут быть составлены с высокой долей метакоммуникационной амбивалентности. Как утверждает Черри (34, p. 120), предложение «Ты думаешь, что он сделает?» может иметь множество различных значений в зависимости от того, на какое слово будет поставлено ударение, что не характерно для письменной речи. Другим примером может стать объявление в ресторане, которое гласит: «Официантам грубить посетителям строго запрещено». Это объявление, по крайней мере теоретически, можно наделить двумя, совершенно противоположными, смыслами. Двусмысленности подобного рода — это далеко не все сложности, вытекающие из двухуровневой структуры коммуникации; как вам, например, объявление, на котором написано: «Не обращайтесь внимания на этот знак»? Как мы увидим в главе, посвященной парадоксальной коммуникации, путаница и неразбериха между двумя этими уровнями — коммуникацией и метакоммуникацией — может приводить к тупиковым ситуациям, по своей структуре аналогичным знаменитым логическим парадоксам.

2.34

Давайте сейчас просто обобщим все вышесказанное и сформулируем еще одну аксиому нашего экспериментального исчисления: *Каждая коммуникация содержит содержательный аспект и аспект отношений, так, что последний систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией.*³

³ Мы решили утверждать, что отношение систематизирует или классифицирует содержательный аспект, хотя с точки зрения логического анализа абсолютно правильным было бы сказать, что

кроме того, она ставит в ситуацию парадокса и тех, кто с ним общается, образуя тем самым замкнутый порочный круг.

5.44 Парадоксальные обещания предсказания¹⁵

В начале 1940 годов появился новый, удивительный парадокс. Хотя его происхождение неизвестно, он быстро привлек к себе внимание и обсуждался во многих научных работах, только в журнале «Майнд» (*Mind*) их появилось не менее девяти.¹⁶ Как мы увидим, этот парадокс имеет непосредственное отношение к нашему исследованию, поскольку вся его сила и прелесть заключается в том, что понять его можно только в контексте процесса взаимодействия между людьми.

5.441

Из нескольких версий, в которых была в достаточной степени отражена сущность этого парадокса, мы выбрали следующую.

Преподаватель объявил студентам, что на следующей неделе — в один из дней между понедельником и пятницей — им предстоит неожиданный экзамен. Студенты — которые оказались на удивление рассудительной группой — указали ему на то, что если только он не собирается нарушить им же самим поставленное условие и не намеревается устроить *неожиданный* экзамен в *какой-то момент* на следующей неделе, то никакого экзамена быть не может. Они сказали, что если экзамен не состоится

¹⁵ Некоторые части этого раздела были ранее опубликованы в (158).

¹⁶ Обзор некоторых ранних работ и подробное обсуждение этого парадокса представлено в работе Нерлиха (111), см. также работу Гарднера (54), где предлагается прекрасный анализ большей части разнообразных версий этого парадокса.

в четверг вечером, то его нельзя будет неожиданно провести в пятницу, поскольку пятница — это последний день. Но если мы исключаем пятницу как возможный день экзамена, мы должны исключить и четверг, причем по той же причине. Понятно, что в среду вечером остается лишь два возможных дня — четверг и пятница. Пятницу, как уже доказано, следует исключить. Остается четверг, поэтому экзамен, проводимый в четверг, уже не может быть неожиданным. Естественно, по той же самой причине нам нужно исключить среду, вторник, и, наконец, понедельник: в эти дни не может быть *неожиданного* экзамена. Преподаватель молча выслушал все их «доказательства» и затем сказал, что экзамен состоится во вторник утром. С самого начала он планировал провести его именно в это время. Они, с другой стороны, теперь вынуждены были сдавать совершенно неожиданный экзамен — неожиданный по той причине, что они сами убедили себя в том, что он не может быть неожиданным.

В этой истории несложно выделить все известные нам особенности парадокса. С одной стороны, студенты занимались тем, что представлялось им строгим логическим умозаключением из посылок, предложенных в сообщении преподавателя, и пришли к выводу, что на следующей неделе просто не может быть неожиданного экзамена. С другой стороны, преподаватель, что совершенно очевидно, мог провести экзамен в любой день недели, не нарушая при этом заявленных условий. Наиболее удивительным аспектом этого парадокса можно считать тот факт, что при более пристальном анализе выясняется, что экзамен можно было провести даже в пятницу, и он все равно был бы неожиданным. Фактически, ключ ко всей истории кроется в той ситуации, которая будет существовать в четверг вечером,

тогда как упоминание прочих дней недели нужно было только для того, чтобы запутать читателя и еще больше усложнить проблему. В четверг вечером остается лишь один возможный день — пятница, и это делает проведение экзамена в пятницу совершенно предсказуемым. «Он *должен* состояться завтра, если он вообще должен состояться; он *не может* быть завтра, поскольку он не будет неожиданным» — вот как поняли ситуацию студенты. Однако сам процесс рассуждения о том, что экзамен ожидаем, а следовательно, невозможен, дало преподавателю возможность провести неожиданный экзамен в пятницу, а также в любой другой день недели, никоим образом не нарушая при этом им же самим заявленных условий. Даже в том случае, если бы студенты осознали, что именно их рассуждения о том, что неожиданного экзамена быть не может, явились причиной того, что его стало возможно провести неожиданно, это осознание ничем бы им уже не помогло. Все это доказывает, что если бы в четверг вечером они ожидали бы экзамена в пятницу, тем самым исключив возможность того, что он будет проведен, в соответствии с условиями, заявленными преподавателем, тогда он *мог* быть проведен неожиданно, что делает его совершенно ожидаемым, что делает его абсолютно неожиданным и так далее до бесконечности. Таким образом, предсказать его невозможно.

И в этом случае мы опять имеем дело с настоящим парадоксом:

- 1) объявление содержит обещание на *объектном* языке («будет экзамен»);
- 2) оно содержит и обещание на *метаязыке*, отрицающее предсказуемость (1), то есть, «(ожидаемый) экзамен будет неожиданным»;
- 3) два обещания взаимно исключают друг друга;
- 4) преподаватель с успехом мог помешать студентам выйти за рамки сложившейся ситуации, порождая

денной его объявлением, лишив их возможности получить дополнительную информацию, которая помогла бы им установить точную дату экзамена.

5.442

Все вышесказанное касалось логической структуры обещания преподавателя. Когда мы переходим к его прагматическим последствиям, мы имеем дело с двумя удивительными выводами. Первый заключается в том, что для того, чтобы оправдать обещание, содержащееся в его объявлении, преподавателю было необходимо, чтобы студенты пришли к противоположному выводу (то есть, к выводу о том, что объявленный экзамен не может быть неожиданным), поскольку только тогда может сложиться ситуация, в которой оказывается верным его обещание о том, что им предстоит неожиданный экзамен. Но это было бы равносильно заявлению о том, что подобная дилемма могла возникнуть только благодаря рассуждениям самих студентов. Если бы они были не так сообразительны, они бы просто не заметили скрытой сложности проблемы; они, по всей вероятности, просто ожидали бы этот экзамен как неожиданный, что поставило бы преподавателя в абсурдную ситуацию. Но поскольку они — нелогичным образом — поставили себя перед фактом, что неожиданное должно быть ожидаемым, экзамен в период с понедельника по пятницу не явился бы для них неожиданным. Не кажется ли вам, что логические ошибки сделали бы их представления более реалистичными? Ведь в действительности не существует причин, по которым экзамен не мог быть проведен неожиданно в один из указанных дней, и только чрезмерно рассудительные студенты могли упустить из виду этот непреложный факт.

Многим терапевтам, работающим с высокоинтеллектуальными психозфрениками, нередко кажется, что состояние их пациентов было бы гораздо лучше, и они были бы гораздо более «нормальными», если бы они

могли каким-то образом притуплять остроту своего мышления и тем самым уменьшать то влияние, которое оно оказывает на их поступки. В каком-то роде все они кажутся потомками опустившегося героя Достоевского из «Записок из подполья», который объясняет:

...инерция задавила. Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания — это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье. Я уж об этом упоминал выше. Повторяю, усиленно повторяю: все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены. Как это объяснить? А вот как: Они вследствие своей ограниченности ближайшие и второстепенные причины за первоначальные принимают, таким образом скорее и легче других убеждаются, что непреложное основание своему делу нашли, ну и успокоиваются; а ведь это главное. Ведь чтоб начать действовать, нужно быть совершенно успокоенным предварительно, и чтоб сомнений уж никаких не оставалось. Ну а как я, например, себя успокою? Где у меня первоначальные причины, на которые я упрнусь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следовательно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собой другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления.¹⁷

Или возьмем, к примеру, Гамлета (IV/4):

Что тут виной? Забывчивость скота
Или привычка разбирать поступки
До мелочей? Такой разбор всегда
На четверть — мысль, а на три прочих — трусость.
Но что за смысл без умолку твердить,

¹⁷ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 296—297.

Что это надо сделать, если к делу
Есть воля, сила, право и предлог?¹⁸

Если, как мы увидели в параграфе 5.435, ситуация двойного ограничения определяет поведение, которое очень напоминает то, что свойственно шизофреникам, страдающим параноидной, гебфренической и кататонической формами расстройства, создается впечатление, что парадоксальные обещания связаны с типичными проявлениями инерции или абулии в простой форме шизофрении.

5.443

Однако второй вывод приводит нас в еще большее замешательство. Дилемма также была бы невозможна, если бы студенты в глубине души не доверяли преподавателю. Все их рассуждение базировалось на допущении о том, что преподавателю можно и должно доверять. Любое сомнение в его честности не привело бы к логическому решению парадокса, но обеспечило бы решение прагматического плана. Если бы ему нельзя было доверять, не было бы никакого резона все-речь относиться к его объявлению, и лучшее, что могли сделать студенты при сложившихся обстоятельствах, это ожидать экзамен в какой-то момент в период с понедельника по пятницу. (Это значит, что они принимают лишь ту часть сообщения, которая относится к содержательному уровню, т. е. к словам «На следующей неделе будет экзамен», и игнорируют метакоммуникационный аспект, касающийся предсказуемости экзамена.) Итак, мы приходим к выводу о том, что не только логическое мышление, но также и доверие оказывают влияние на способ решения парадокса.

5.444

Может показаться, что в жизни такие парадоксы встречаются редко, если вообще встречаются. Одна-

ко в том случае, когда речь идет о коммуникации шизофреников, этот аргумент не работает. Человек с диагнозом «шизофрения» играет одновременно обе роли — и студентов, и преподавателя. Подобно студентам, он стоит перед дилеммой логики и доверия, описанной выше. Но его позиция во многом схожа и с позицией преподавателя, как и он, шизофреник передает неоднозначные сообщения. Нерлих, не осознавая, естественно, того, сколь непосредственно его заключительные выводы связаны с темой нашей работы, он замечательным образом описывает существующее положение вещей: «Единственный способ не сказать ничего — это противоречить самому себе. И если вам удастся противоречить самому себе, сказав, что вы ничего не сказали, тогда вы, в конечном счете, вовсе себе не противоречите, вы можете съесть свой торт, оставив его при этом на завтра» (111, р. 513).

Если, как было заявлено в параграфах 2.23 и 3.2, шизофреник пытается не вступать в коммуникацию, тогда решение этой «дилеммы» заключается в использовании неоднозначных сообщений, когда человек отрицает все то, что он только что сказал.

5.445

Однако парадоксальные обещания сеют смуту даже в обычном человеческом общении, там, где нам не приходится иметь дело с шизофрениками. Такие обещания имеют место, например, тогда, когда человек Ч изначально воспринимается другим Д как заслуживающий доверия, однако существует опасность того, что Ч поступит по отношению к Д таким образом, что создастся впечатление того, что Ч доверия не заслуживает. Следующий пример может проиллюстрировать этот тип взаимодействия.

Супружеская пара пришла на консультацию к психиатру из-за чрезмерной ревности жены, которая делала совместную жизнь невыносимой для обоих. Оказалось, что муж крайне ригиден и склонен к морализаторству, кроме того, он гордится своим аксе-

¹⁸ Перевод Б. Пастернака. Цит. по: Вильям Шекспир. Гамлет, принц датский. — М.: Правда, 1977. — С. 124—125.

тическим образом жизни и тем фактом, что «за всю свою жизнь он ни разу не заставил кого-либо усомниться в том, что его словам можно доверять». Жена, чье воспитание значительно отличалось от воспитания ее мужа, приняла подчиненную позицию, за исключением одной сферы: она не хотела отказываться от привычки пить перед обедом аперитив, что очень не нравилось ее мужу, который пил исключительно чай; эта ситуация была темой бесконечных споров практически с самого начала их совместной жизни. Около двух лет назад муж, будучи в состоянии крайнего раздражения, сказал ей: «Если ты не откажешься от этой дурацкой привычки, я тоже заведу себе одну», добавив, что начнет крутить романы на стороне. Это не привело ни к каким изменениям в паттерне их отношений, и несколькими месяцами позже муж решил, что больше не будет ругать жену за эту привычку, чтобы не нарушать покой в доме. С этого самого момента она стала крайне ревнивой, и рациональная причина этого была такова: его словам всегда можно доверять; должно быть, он действительно выполнил свою угрозу и изменил мне, следовательно, доверять ему нельзя. Муж, с другой стороны, просто попал в сеть своего собственного парадоксального обещания, поскольку ему не удавалось убедить жену в том, что его угроза была высказана просто в порыве раздражения и ее вовсе не стоит воспринимать серьезно. Они осознали, что запутались, но не видели путей выхода из этой ситуации.

Структура угрозы мужа идентична той, что мы наблюдали в объявлении преподавателя. С ее точки зрения, он сказал:

- 1) мне можно всецело доверять;
- 2) я накажу тебя, если ты не оправдаешь моего доверия (окажешься неверной или лживой);
- 3) следовательно, моим словам, обращенным к тебе, можно доверять, когда я говорю неправду, поскольку если бы я не разрушил твою убежденность в моей супружеской верности, мне больше нельзя было бы доверять.

С точки зрения семантики, парадокс возникает вследствие двух различных значений слова «вызывающий доверие». В пункте (1) это слово использовано в метаязыке, чтобы обозначить обычную характеристику *всех* его поступков, обещаний и установок. В пункте (2) оно используется в объектном языке и относится к супружеской верности. То же самое мы наблюдали в отношении двух типов использования слова «ожидаемый» в объявлении преподавателя. Можно было ожидать, что *все* его обещания исполняются. Иными словами, предсказуемость — это неотъемлемая характеристика, определяющая *класс* обещаний. Следовательно, если предсказуемость одного из *элементов* этого класса — то есть, одного конкретного обещания — отрицается, это касается предсказуемости другого, низшего логического типа, чем тот, что соотносится с характеристиками класса, определяемого тем же самым термином. С прагматической точки зрения, как сообщение преподавателя, так и сообщение мужа породили амбивалентный контекст.

5.446 Доверие — дилемма узника

В человеческих взаимоотношениях все обещания тем или иным образом связаны с проявлением доверия. Человек Ч выписывает другому Д чек на предъявителя, и у Д в момент подписания чека нет ответа на вопрос о том, выдаст ли банк деньги по этому чеку. В этом смысле Ч и Д находятся в принципиально разном положении. Ч знает, платежеспособен ли он, тогда как Д может либо доверять ему, либо нет,¹⁹ поскольку платежеспособность Ч он может выяснить только тогда, когда придет с этим чеком в банк. В этот момент его доверие или недоверие сменится знанием, которым с самого начала обладал Ч. Сама природа человеческой коммуникации

¹⁹ Понятно, что на доверие или недоверие Д к Ч будет оказывать влияние его прошлый опыт общения с Ч, если таковой имеется, и данный случай также будет оказывать влияние на степень доверия Д к Ч в будущем. Но в целях нашего анализа мы можем не принимать в расчет эти переменные.

предполагает, что другой человек не может получить информацию о сведениях или образах, скрытых в сознании партнера. Этот другой может, в лучшем случае, просто доверять либо не доверять ему, но он никогда не будет *знать*. С другой стороны, человеческая деятельность была бы абсолютно парализована, если бы люди действовали лишь на основании той информации и тех образов, которыми располагают только они. Огромное количество решений основано на доверии того или иного рода. Следовательно, доверие всегда связано с потенциальными результатами, и, в частности, с их предсказуемостью.

Итак, рассмотрим взаимодействие, в котором один человек обладает некой информацией, а второй может лишь доверять или не доверять ему, когда речь заходит об этой информации. Преподаватель знал, что он будет проводить экзамен во вторник утром; муж знал, что он не намерен изменять своей жене; человек, подпавший чек, знает (как правило), можно ли получить по нему деньги. Однако в том случае, который мы сейчас рассмотрим, в так называемой «дилемме узника», *ни у одного* из взаимодействующих лиц нет достоверной информации. Им обоим приходится принимать решения лишь на основании их доверия друг к другу, а также на основании гипотетического предположения о том, насколько доверяет каждому из них партнер, и попыток предсказать, какое решение партнер примет; все это сильно зависит от того, насколько верны будут их предсказания относительно друг друга. А эти предсказания, как мы сейчас увидим, неизбежно окажутся парадоксальными.

Дилемма узника²⁰ может быть представлена в виде следующей матрицы:

²⁰ Нужно иметь в виду, что дилемма узника представляет собой игру с ненулевой суммой. Поэтому цель каждого игрока — его абсолютный выигрыш, независимый от того, что потерял или выиграл партнер. Следовательно, кооперация не только не исключена (как в игре с нулевой суммой), но она может быть оптимальной стратегией. Кроме того, в этом случае рандомизация ходов (в случае успешных игр) автоматически не будет являться выгодной стратегией.

	b_1	b_2
a_1	5, -5	-5, 8
a_2	8, -5	-3, -3

где у двух игроков, А и В, есть по два альтернативных хода. То есть, А может выбрать либо a_1 , либо a_2 , а В — либо b_1 , либо b_2 . Общим известно, каков будет выигрыш и проигрыш в каждой из альтернатив, это отражено в матрице. Следовательно, А знает, что если он выбирает a_1 , а В выбирает b_1 , то каждый из них выиграет по пять очков; но если В выберет альтернативу b_2 , А потеряет пять очков, тогда как В выиграет восемь. В сталкивается с точно такой же ситуацией в отношении А. Их дилемма заключается в том факте, что каждый из них не знает, которую из альтернатив выберет другой, поскольку выбирать они должны одновременно, не общаясь при этом между собой.

Принято считать, что независимо от того, сколько раз проводится игра — только один или же сто раз подряд — решение a_2 , b_2 , наиболее безопасно, хотя оно и предполагает потерю трех очков каждым из игроков.²¹ Наиболее выгодным решением была бы, конечно, альтернатива a_1 и b_1 , поскольку она обеспечивала бы игрокам выигрыш в пять очков. Но такое решение возможно только при условии их взаимного доверия, потому что если, к примеру, игрок А ставит перед собой цель выиграть максимальное количество очков и минимизировать проигрыш, и если в то же время у игрока А есть достаточно оснований быть уверенным в том, что игрок В доверяет ему и, следовательно, выберет альтернативу b_1 , тогда А может без колебаний выбрать решение a_2 , потому что сочетание a_2 и b_1 обеспечивает ему максимальный выигрыш. Но если игрок А достаточно умен, чтобы

²¹ См. подробное обсуждение игры в работах Рапопорта (122) и Шеллинга (140).

предположить, что его соперник будет придерживаться той же линии рассуждения и скорее выберет альтернативу b_2 , нежели альтернативу b_1 , особенно если он уверен в том, что А настолько доверяет ему, что выберет альтернативу a_1 . Следовательно, по здравому размышлению они оба придут к выводу о том, что комбинация a_2, b_2 , в которой оба игрока соглашаются на относительный проигрыш, наиболее приемлема.

И не следует думать, что эта задача представляет лишь теоретический интерес. Скорее, ее стоит рассматривать как наиболее эlegantное абстрактное выражение той проблемы, с которой снова и снова сталкиваются практически все семейные психотерапевты. Супружеские пары, живущие в состоянии тихого отчаяния, получающие минимум удовлетворения от своего совместного существования, уже давно попали в сферу внимания психиатров. Однако традиционно источник их горестей было принято связывать с *индивидуальной* патологией одного из них или даже обоих. Им ставили разнообразные диагнозы — депрессия, пассивная агрессия, самообвинение, садомазохизм и т. п. Но во всех этих диагнозах, к сожалению, не учитывалась *взаимозависимая* природа стоящей перед ними дилеммы, которая могла быть мало связана с их личностными особенностями и порождалась исключительно характером «игры» их отношений. Сложившуюся межличностную ситуацию можно было описать двумя их установками: «доверие делает меня уязвимым, и мне нужно себя обезопасить» и «партнер перехитрит меня».

Именно на этом этапе большинство супружеских пар (или, к примеру, наций) прекращают оценку и определение своих отношений. Но те, кто обладает достаточно высоким интеллектом, не могут остановиться в этой точке, и именно здесь парадокс дилеммы узника становится наиболее очевидным. Выбор альтернатив a_2 и b_2 становится неразумным, как только А осознает, что это решение — всего лишь мень-

шее из зол, но, тем не менее, все же зло, и что В не может не рассматривать сложившуюся ситуацию аналогичным образом — тоже как невыгодную. И тогда у В так же мало оснований, как и у А, стремиться к такому решению, и А вполне может предсказать подобный исход. И как только оба игрока приходят к такому выводу, то решение, a_2, b_2 более не является наиболее приемлемым; самым выгодным становится решение a_1, b_1 . Но тем самым рассуждение вновь возвращается в свою исходную точку. И не важно, как они воспринимают создавшееся положение вещей, поскольку как только они приходят к «наиболее разумному» решению, всегда находится решение «еще более разумное». И, следовательно, эта дилемма аналогична той, перед которой были поставлены студенты, для которых экзамен был предсказуем лишь тогда, когда он был непредсказуем.

5.5

Выводы

Парадокс — это логическое противоречие, возникающее вследствие верного рассуждения на основе верных посылок. Существует три типа парадоксов — логико-математические, семантические и прагматические, и именно этот третий тип парадоксов представляет интерес для нашего исследования, поскольку приводит к определенным поведенческим проявлениям. Прагматические парадоксы отличаются от простых противоречий тем, что в ситуации парадокса выбор одной из альтернатив не приводит к решению задачи. Существует также два типа прагматических парадоксов — *парадоксальные предсказания* (ситуация двойного ограничения) и *парадоксальные обещания/предсказания*.

ный перечень соответствующих работ. Если говорить вкратце, в этом направлении теории научения постулируется, что наряду с приобретением знания или навыка имеет место процесс, делающий это приобретение все более и более легким. Иными словами, человек не только научается, но и *научается, как научиться*. Для обозначения этого научения более высокого порядка Бейтсон ввел термин «вторичное научение» и описал его следующим образом:

Используя термины гештальт-теории или теории антропоморфизма, мы могли бы сказать, что человек научается ориентироваться в определенных типах контекстов, у него случается некий «инсайт» относительно контекста решения проблем. ...Мы можем сказать, что человек привыкает искать контексты и цепочки событий того или иного типа, привыкает тем или иным образом «расставлять акценты» в последовательности событий и выискивать в них определенный смысл (7, с. 88).

Сходное понятие лежит в основе монументального труда Келли «Психология личностных конструктов» (83), хотя автор и не выделяет никаких уровней, а представляет рассматриваемую им проблему практически целиком в терминах интрапсихической, а не интерактивной психологии. Миллер, Галантер и Прибрам в своей книге «Планы и структура поведения» (104) утверждают, что целенаправленное поведение основано на некоем плане, точно так же, как компьютер выполняет необходимые действия в соответствии с программой. Их концепция *плана* во многом перекликается с нашими идеями, представленными в этой главе, и, без преувеличения, их исследование можно назвать одним из самых выдающихся работ последнего времени, позволяющих нам продвинуться вперед в понимании поведения. Что касается этой работы, то в Стенфордском университете под руководст-

вом Бейвласа было проведено несколько изящных экспериментов (хотя заявленная их цель находится за рамками обсуждаемых нами проблем). Один из этих экспериментов (169) в особенности заслуживает нашего внимания. Экспериментальное устройство состояло из набора кнопок, и испытуемому говорилось, что определенные кнопки должны быть нажаты в определенном порядке, и что его задача — выяснить порядок нажатия этих кнопок после нескольких попыток. Ему говорилось, что правильное нажатие кнопок будет сопровождаться звуковым сигналом. Однако в действительности эти кнопки не были подсоединены к какому-либо устройству и звуковой сигнал раздавался независимо от действий испытуемого, но с возрастающей частотой, то есть, относительно редко в начале работы и все чаще и чаще ближе к концу эксперимента. И всякий раз у испытуемого достаточно быстро формировалось то, что мы определили как посылку третьего порядка, и он крайне неохотно отказывался от своего решения даже тогда, когда ему демонстрировали, что его действия были никак не связаны со звуковым сигналом. Итак, мы можем рассматривать это экспериментальное устройство как микромодель вселенной, в которой все мы формулируем наши собственные посылки третьего порядка, наши способы бытия-в-мире.

7.5

Когда мы сравниваем способность человека принять или стерпеть изменения на втором или третьем уровнях знания соответственно, мы сталкиваемся с принципиальным различием. Способность человека адаптироваться к изменениям на втором уровне просто поразительна, ее отмечает всякий, кому довелось наблюдать терпение и стойкость человека в самых мучительных ситуациях. Однако это терпение возможно лишь до тех пор, пока не нарушены посылки третьего порядка относительно самого суще-

ствования человека и тех смыслов мира, в соответствии с которыми он живет.³ Должно быть, именно это имел в виду Ницше, когда говорил, что тот, у кого есть *почему* бытия, стерпит почти любое его как. Однако человек, возможно в гораздо большей степени, чем собака Павлова, значительно менее готов к тому, чтобы справляться с несоответствиями, угрожающими его посылкам третьего порядка. Человек не сможет психологически выжить в мире, который не может объяснить, в мире, который не имеет для него смысла. Двойное ограничение, как мы увидели, приводит именно к этому разрушительному результату; но тот же самый результат возможен и тогда, когда события или обстоятельства лежат за пределами человеческого контроля или воли. Писатели-экзистенциалисты, от Достоевского до Камю, многократно обращались к обсуждению этого вопроса, который столь же стар, сколь и книга Иова. Так, к примеру, Кириллов, персонаж из «Бесов» Достоевского, решил, что бога не существует и, следовательно, жить более незначит.

Слушай, — остановился Кириллов, неподвижным, испуганным взглядом смотря пред собой. — Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправ-

³ Так, это различие мы можем заметить в письмах (например, 57), написанных заключенными, осужденными нацистами за политические преступления различной тяжести. Те, кто чувствовал, что их действия помогали разрушить ненавистный строй, принимали смерть с мужеством и достоинством. С другой стороны, те, кто был осужден за такие незначительные поступки как прослушивание вражеского радио или пересказ анекдота про Гитлера, пребывали в отчаянии. Их смерть, без сомнения, казалась им нарушением их посылки третьего порядка, гласящей, что любая смерть должна иметь какой-то смысл.

дывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после *Ему* такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели даже и *Этого*, даже чудо свое не пожалели, а заставили и *Его* жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек? (с. 575—576).⁴

И Достоевский, устами того, к кому был обращен этот вопрос, дает поразительный ответ: «Это другой оборот дела. Мне кажется, у вас тут две разные причины смешались; а это очень неблагонадежно» (с. 576).⁶

Мы убеждены в том, что когда бы ни возникла эта тема, центральное место занимает вопрос о *смысле*, и этот «смысл» — категория не столько семантическая, сколько экзистенциальная. Отсутствие смысла — это ужас экзистенциального Ничто. Это то субъективное состояние, в котором реальность теряется или пропадает, как и представление о других людях и себе самом. Для Габриэля Марселя «Жизнь — это борьба против Ничто». Прошло уже более ста лет с того момента, как Кьеркегор написал: «Я хочу пойти в сумасшедший дом и посмотреть, не поможет ли мне глубина сумасшествия решить загадку жизни».

В этом смысле, позиция человека, находящегося визиavi со своим таинственным партнером, мало чем отличается от той ситуации, в которой находится соба-

⁴ Цит. по: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Бесы. Л.: Наука, 1990.

⁶ Цит. по: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Бесы. Л.: Наука, 1990.

ка Павлова. Собака быстро научается тому, каков смысл круга и эллипса, и ее мир рушится в тот момент, когда экспериментатор внезапно опровергает этот смысл. Если мы проанализируем наш субъективный опыт пребывания в аналогичных ситуациях, мы обнаружим, что склонны искать некоего скрытого «экспериментатора», стоящего за всеми превратностями нашей судьбы. Потери или отсутствие смысла жизни, вероятно, самый распространенный общий знаменатель всех форм эмоциональных расстройств, и в особенности столь широко обсуждаемых ныне «современных» болезней. Боль, болезнь, потеря, неудачи, отчаяние, разочарование, страх смерти или просто скука — все это приводит к ощущению бессмысленности жизни. Нам кажется, что в самом общем виде, экзистенциальное отчаяние — это болезненное расхождение между тем, что *есть*, и тем, что *должно быть*, между восприятием и посылками третьего порядка.

7.6

У нас нет оснований говорить о том, что в человеческом восприятии реальности можно выделить только три уровня абстракции. По крайней мере, теоретически этих уровней бесчисленное количество. И посему, если человек хочет изменить имеющиеся у него послылки третьего уровня, что, по нашему мнению, является основополагающей задачей психотерапии, *он может сделать это только с позиции четвертого уровня*. Однако мы сомневаемся в том, что человеческое сознание способно справиться с более высокими уровнями абстракции без помощи математических символов или компьютера. Важно отдавать себе отчет в том, что на четвертом уровне возможны лишь проблески понимания, и что любые формулировки крайне затруднительны, если вообще возможны. Читатель, возможно, помнит, как сложно было передать смысл «класса всех классов, которые не

являются составной частью самих себя» (см. п. 5.2), который по своей сложности приближается к тому, что свойственен для посылок третьего порядка. Или, к примеру, если мы еще можем понять смысл фразы «Это то, как я понимаю, как ты понимаешь, как я тебя понимаю» (см. п. 3.34), следующий (четвертый) уровень в этой иерархии («Это то, как я понимаю, как ты понимаешь, как я понимаю, как ты меня понимаешь») уже фактически находится за пределами нашего понимания.

Давайте еще раз повторим этот важный вывод: коммуникация или даже размышления о посылках третьего порядка возможны только с позиции четвертого уровня. Однако этот четвертый уровень уже находится на грани возможностей человеческого сознания и знания об этом уровне чрезвычайно редки, если вообще имеют место. Нам представляется, что познание этой сферы осуществляется посредством интуиции и эмпатии, оно представляет собой «ага»-опыт, возможно, ее удастся постичь с помощью ЛСД или аналогичных наркотиков, и, конечно же, именно в этой сфере осуществляются терапевтические изменения, такие изменения, относительно которых, в случае успешной терапии, мы не можем точно сказать, как и почему они произошли и в чем их сущность. Психотерапия связана именно с этими посылками третьего уровня, с их модификацией. Однако для того, чтобы изменить послылки такого уровня, чтобы осознать паттерны своего поведения и паттерны окружающей среды, необходимо перейти на следующий, четвертый уровень. Только находясь на этом уровне можно увидеть, что реальность не является чем-то объективным, неизменным, способствующим либо препятствующим нашему выживанию; только там можно понять, что на самом деле реальность — это наш субъективный опыт существования. Реальность — это то, что мы сами строим из того, что, по всей вероятности, находится всецело за пределами человеческого сознания.